

Р. 63. 3/24/5
3-20

А. Б. Закс

**Ташев-Хаджи —
сподвижник Шамиля**

63.3(2)Чеч
3-20
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

А. Б. Закс

5/11
**Ташев-Хаджи —
сподвижник Шамиля**

ГРОЗНЫЙ
«КНИГА»

1992

ОТДЕЛ ОБСЛУЖИВАНИЯ
ЦГБ г. ГРОЗНОГО
364051 г. Грозный, пр. Победы 22

364051 ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
г. ГРОЗНЫЙ пр. Победы № 22
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ББК 63.3 (2)
Т 66

Рецензент Я. З. Ахмадов, доктор исторических наук
Составитель М. Н. Музаев

*Рукопись к изданию утверждена на Ученом Совете
Чеченского государственного объединенного музея*

Т 66 Ташев-Хаджи — сподвижник Шамиля. — Грозный: «Кни-
га», 1992. 32 с.

Т $\frac{0503020900-03}{М 135 (03)-92}$ — без объявл.

ББК 63.3 (2)

ISBN 5-7666-0413-0

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

КАК Я ЗАЩИЩАЛА ДИССЕРТАЦИЮ И ПЫТАЛАСЬ ЕЕ ОПУБЛИКОВАТЬ

Мне не пришлось быть в аспирантуре. Я не имела научного руководителя. Никто не давал мне темы диссертации. Я не думала о ее защите. Тема наметилась в процессе моей практической работы в Государственном историческом музее (ГИМ). Перед музеем в конце 30-х годов стояла актуальная задача сбора материалов по истории народов СССР и ее пропаганды. Я занялась историей Северо-Восточного Кавказа, включая народное движение под руководством Шамиля и, в частности, деятельность его соратника Ташева-Хаджи, возглавившего Чеченское восстание 1840 года. К 1941 г. материал для диссертации был собран. А в годы Великой Отечественной войны, спускаясь в бомбоубежище, я всегда брала с собой драгоценные выписки из архивов, затем, примостившись в каком-нибудь тихом уголке, вынимала свои тетради и погружалась в перепетии Кавказской войны. К концу 1944 года текст диссертации «Ташев-Хаджи — сподвижник Шамиля и Чеченское восстание 1840 года» был мною закончен.

В начале 1945 года я передала диссертацию в Городской педагогический институт им. В. П. Потемкина, в котором начала преподавать еще до войны. К диссертации были приложены два отзыва: крупнейшего специалиста по истории XIX в. проф. Н. М. Дружинина, который несколько лет работал в том же институте, и специалиста по истории Северного Кавказа этнографа В. К. Гарданова. В газете «Вечерняя Москва» появилось соответствующее объявление о намеченной защите диссертации.

Через несколько дней — звонок в ГИМ. Ректор МГПИ проф. П. С. Бенюх просит меня срочно зайти. «Не понимаю, что происходит, — сказал он, — с утра сегодня непрерывные звонки: запросы из ЦК ВКП(б), из обкома, райкома партии... Что за защита диссертации объявлена у вас? Немедленно снять ее с повестки дня. Не можете ли вы вообще объяснить, в чем дело?» Но я и сама ничего не понимала. Только позднее мы узнали о том, что несколько ранее в Чечено-Ингушетии было совершено одно из самых ужасных преступлений сталинской эпохи: все чеченцы и ингуши, в том числе ветераны революции и старые члены партии, семьи Ге-

роев Советского Союза и сами они, отозванные с фронта, были без предупреждения срочно выселены из своих домов, аулов и высланы. Сколько человек погибло в дороге, сколько не вынесло тягот жизни на новых местах, подсчитано ли это? Чечено-Ингушетия исчезла и со страниц литературных работ, и с географических карт. Понятно, что защита диссертации на тему «Чеченское восстание» прозвучало бы как гром среди ясного неба, хотя ни Чечня, ни движение Шамиля в целом отнюдь не идеализировались в моей работе. Но всех испугало название.

«Ну, что же, — сказал Бенюх, придется отложить защиту. Не огорчайтесь, все утрясется. Ведь оппоненты солидные, отзывы специалистов хорошие». В заново назначенное время собрались оппоненты и «болельщики». Председательствует медиевист А. А. Фортунатов. Моя защита идет второй. Каково же было всеобщее удивление, когда после окончания первой защиты председатель вдруг сказал: «Наше время истекло. Диссертацию Закс отложим на следующий раз». Обиженных оппонентов Фортунатов пригласил к себе в кабинет, где и сказал им: «Вы можете обвинить меня в трусости. Не могу возражать. Но предпочитаю обвинение в трусости, чем в отсутствии политической бдительности». «Придется, — сказал мне Бенюх, — отложить защиту опять. Теперь уже на конец года. Пусть только оппоненты подтвердят свои отзывы».

Дружинин лично дал мне в руки отзыв, а за вторым отзывом я отправилась к Гарданову. Но он отказался вторично подписать его: «Ситуация изменилась, я боюсь и подписывать не буду». «Почему же Вы не сказали мне раньше? Я бы нашла другого, более храброго оппонента». «Это потому, что я к Вам хорошо отношусь и не хочу, чтобы у Вас были неприятности. Не советую Вам добиваться сейчас защиты». «Но ведь я работала над диссертацией столько лет!» Тогда он подошел к шкафу, отдернул занавеску и показал ряд аккуратно переплетенных томов: «Вот это мои незащищенные докторские диссертации. Вот труд по истории народов Западного Кавказа. Но их представители после Кавказской войны эмигрировали в Турцию, а об этом не следует говорить; вот работа «Обычное право кабардинцев». Но мои уважаемые коллеги из Кабарды считают, что кабардинцы в своем развитии давно уже перешли границы феодальных отношений, так что разговор о дофеодальном обычном праве их принижает. Не буду продолжать». И промолчала и ушла. Защита так и не состоялась.

Терпение Бенюха истощилось, и он предложил мне отдать диссертацию в «более престижное учреждение» — На Исторический факультет Московского университета. Я отнесла злополучную диссертацию в деканат Истфака, к проф. С. П. Толстову. Он был удивлен: МГПИ, высшее учебное заведение, и вдруг некомпетентно для защиты кандидатской диссертации? Пусть дадут письменную справку... Опять пошла к Бенюху. Тот дал требуемое. «Хорошо, —

скизал Толстов, — поставим работу на обсуждение кафедры истории СССР. Вам о результате сообщим». Однако и не пригласили, и не сообщили. На обсуждении присутствовал один из моих «большаков», который был настроен оптимистически и считал, что отступать мне не следует. Но после заседания кафедры он пришел не то чтобы взволнованный, а скорее потрясенный, и сказал: «Очевидно, придется взяться за новую тему».

Что же произошло на заседании кафедры? Председательствовали проф. А. Л. Сидоров. Человек он был умный и знающий, но в разные периоды жизни способный на многое. На истфаке МГУ он возглавил в 1949 г. кампанию «борьбы с космополитизмом», изгоняя с Истфака преподавателей, а порою и студентов отнюдь не по деловым признакам. Среди присутствующих на заседании был, в частности, С. К. Бушуев, автор книги «Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля» — (М. — Л. 1939). В книге был опубликован большой материал, собранный силами студентов, причем имела место некоторая идеализация этого движения. Бушуев был однозвонной фигурой. Такой сверхвежливый и тактичный интеллигент, как Н. М. Дружинин, в узком кругу лиц называл его «бандитом от науки». Но на заседании присутствовали и весьма достойные люди.

Первым выступил Бушуев. Он сказал, что обсуждение и защита диссертации не имеют смысла, поскольку все, что известно о движении Шамиля, уже сказано в книге, и ничего нового в работе просто быть не может, хотя он работу и не читал. Другие тоже говорили, что по политическим соображениям, учитывая поведение чеченцев во время Великой Отечественной войны, вредность ислама как религии и пр., ставить диссертацию на защиту нельзя. Сидоров одобритительно кивал головой. Но вот взяла слово проф. Э. Б. Генкина. «Что мы обсуждаем, — сказала она, — публицистическую статью для сегодняшнего номера газеты или научный труд? Мы должны сказать, проявил ли автор достаточную эрудицию в избранной им теме, способен ли он к исследовательской работе, сказал ли он что-либо новое в науке, а не то, как вели себя чеченцы сегодня. Речь идет о том, что было 100 лет тому назад». Послышались одобрительные возгласы. Сидоров принял решение: «Вопрос сложный, но разве можно обсуждать работу и делать выводы без автора? Кто за то, чтобы перенести заседание кафедры и пригласить на него автора?» Все проголосовали «за», причем было ясно, что такое заседание никогда не состоится. И вскоре мне предложили «на время» забрать с Истфака свою работу.

Случайно я встретила акад. И. И. Минца, трудившегося тогда на Истфаке МГУ. Он остановил меня и сказал: «Давайте побеседуем». Мы долго ходили по переулкам вокруг здания Института истории, помещавшегося тогда на Волхонке. Он говорил: «При обсуждении я подметил настроенные многих членов кафедры. Они

проголосуют против, хотя бы из страха перед Бушуевым, который способен на все. Лучше иметь незащищенную диссертацию, чем провалившуюся». Была я и у Е. Н. Городецкого, который работал в отделе науки ЦК ВКП(б). Он прочел мою работу, одобрительно отозвался о ней, но все же сказал, что по ряду причин не советует мне ставить ее сейчас на защиту. Третья беседа состоялась по инициативе проф. М. Н. Тихомирова, который являлся заведующим Отделом рукописей ГИМ. «И зачем Вы придумали такую тему? — сказал он укоризненно. — Разве вы не знаете, что спокойно можно заниматься теперь только — XV, XVII, в крайнем случае XVIII веком? А тут еще припутывается национальный вопрос! Не советую пытаться защищать эту работу. Возьмите другую тему. Обещаю Вам: Вашу новую работу поставлю на защиту в Институте истории АН СССР вне всякой очереди и сам буду оппонентом!» Я искренне поблагодарила ученого, но подумала так: все равно буду пытаться защищать свою работу, ведь никто не возразил против моей концепции, против содержания диссертации.

Диссертация долго лежала без движения. Но вот звонит И. М. Дружинин, заботившийся обо мне, и сообщает, что проф. А. М. Панкратова, заведующая кафедрой в Государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина, согласна поставить мою диссертацию на защиту. Анна Михайловна была поистине светлой личностью, честность и принципиальность проявлялись во всей ее деятельности. Она очень много помогала молодым историкам, всегда была готова бороться за справедливость. Я передала ей свою работу, и вскоре она сообщила, что согласна быть вторым оппонентом.

Вот опять дано объявление в «Вечернюю Москву». Опять назначен день защиты. Тем не менее сердце мое неспокойно... Прихожу за полчаса до начала заседания Ученого совета. Секретарь смотрит на меня удивленно и сочувственно: «Разве Вы не знаете, что защита не состоится, так как заболел Дружинин»? Тут я, действительно, испугалась. Если Дружинин заболел и не дал мне знать, значит, болезнь очень серьезная. Как узнать о его здоровье. (Телефона у него тогда не было)? Ведь на другой день после защиты он должен был уехать в Сочи. И вдруг появляется Дружинин. Все, кто там был, остолбенели. «Мы позвонили в Институт истории, — пролепетал секретарь, — и нам сказали, что Вы сегодня не вышли на работу, так что мы решили, что Вы больны». Никогда прежде я не видела спокойного и выдержанного Николая Михайловича в таком состоянии. Кровь бросилась ему в лицо, он стукнул кулаком по столу и отпустил несколько нелестных слов в адрес руководства пединститута. Но где же Панкратова? «Мы ей сообщили, что защита не состоится. Но вы не беспокойтесь. Поезжайте в Сочи, мы прочитаем ваш отзыв, это разрешается». «Почему же вы не могли это сделать сегодня?» — возразил Дружинин. И

твердо заявил: «До защиты этой диссертации я никуда не поеду. Назначьте сейчас же новый срок!»

Вечером мне позвонила Панкратова и сказала, что она лично будет следить за ходом подготовки диссертации к защите. Через пару дней — звонок: «Представьте себе, мне сообщили, что «Вечерняя Москва» в течение месяца не будет принимать объявлений о защите диссертаций. Но я пошла в Высшую аттестационную комиссию и узнала, что при переносе защиты второго объявления уже не требуется». Был назначен новый срок защиты. Членов Ученого совета пригласили на определенный час. Это было в конце 1946 года. Однако, накануне дня защиты звонит мне знакомая преподавательница пединститута и сообщает, что на объявлении о защите указано начало заседания Ученого совета в 13 час., а не в 14, как было ранее предусмотрено. Как бы не случилось недоразумения!

Я срочно звоню Панкратовой, разыскиваю Дружинина, оповещаю гимовцев. И вот, в 13 час., все в сборе. Председатель пытается поставить в начале заседания доклад о международном положении, но встречает отпор оппонентов и «болельщиков». Защита прошла благополучно. Единственный «каверзный» вопрос, заданный мне: почему мало в тексте ссылок и указаний на иностранную литературу? Здесь следует заметить, что в 1946—1947 гг. обязательно еще требовались такие ссылки, хотя через три года подобные ссылки в работе по истории СССР считались уже чуть ли не криминалом — «преклонение перед Западом!» Члены Ученого совета, за исключением одного, проголосовали «за». Теперь надо было опубликовать диссертацию.

Между тем в 1947 г. состоялась большая открытая дискуссия по вопросу о Шамиле¹. Столкнулись разные точки зрения, преобладала же та, которая характеризовала не мнимую борьбу кавказских горцев против русского народа, а их борьбу с национальным гнетом, свойственным царизму. Мне пришлось выступить на этой дискуссии и подтвердить свою концепцию. Стенограмма дискуссии была подготовлена к печати.

Н. М. Дружинин тогда же предложил мне написать статью для «Вопросов истории», что я и сделала. Увы, спустя несколько месяцев, уже в 1948 г., я получила статью назад с извещением об отказе в ее публикации. Это был экземпляр, на котором рецензенты оставили свои резолюции. Приведу их по порядку: «Работа интересная, но затрагивает частную проблему. Печатать следует, но в разделе «Сообщения»; «Работа интересная, но в связи с партийным постановлением об опере В. Мурадели «Великая дружба» печатать не следует». Имелось в виду постановление 1948 г., в котором осуждалась опера В. И. Мурадели, поскольку в ней не были, в част-

¹ Закс А. Б. Дискуссия о движении Шамиля. // Вопросы истории 1947, № 11.

ности, заклеены чеченцы и ингуши как «помеха дружбе народов» (28 мая 1958 г. это постановление было признано неправильным). Так завершилась первая попытка публикации основных результатов моей работы.

Защита же состоялась вовремя; она проскочила через ту щелочку месяцев, когда еще можно было написать о Шамиле. Однако вскоре ситуация резко изменилась. В мае 1950 г. вышло печально известное постановление о лишении Сталинской премии азербайджанского историка Г. Гусейнова за «извращение характера движения Шамиля, идеализацию мюридизма, буржуазно-идеологические колебания» и т. п. Известны и трагические последствия этого постановления: автор серьезного научного труда не только лишенный премии, но и подвергнутый официальному ostrакизму не выдержал этих испытаний и покончил с собой. А в развитие постановления в срочном порядке была издана осенью 1950 г. брошюра бериевского прислужника М. Д. Багирова, характеризовавшего Шамиля как ставленника английского империализма. К его «концепции» тут же присоединился развернувшийся на 180° Бушув. Была поставлена преграда каким бы то ни было иным публикациям на эту тему. Публикацию стенограммы дискуссии запретили, мою работу временно изъяли из картотеки диссертации в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

В брошюре Багирова, в частности, говорилось: «Как в свете всего сказанного понять позиции ответственных работников Института истории Академии наук СССР — гг. Дружинина, Панкратовой, Нечкиной, Хаходера, Закс и других, идеализирующих мюридизм, извращающих историческую истину?» (лестно же мне было попасть в такую компанию!). Одновременно я получила выписку из протокола заседания Президиума АН СССР примерно такого же содержания. Друзья говорили шутя: «А не пойти ли тебе за зарплатой в Академию наук, поскольку ты причислена к ее руководящим сотрудникам?» Шутки шутками, но ГИМ должен был как-то реагировать на случившееся: ведь я была членом его Ученого совета. И вот на специальном заседании (кажется, это было открытое партийное собрание, на которое был приглашен проф. П. А. Зайончковский) был поставлен мой доклад, в котором я должна была «каяться» в своих грехах. Я же была настолько уверена в правильности своей концепции, весьма далекой от идеализации Шамиля, что спокойно изложила ее. Секретарь парторганизации ГИМ Е. К. Косимовцева одобрительно кивала головой.

А итоги заседания подвел Зайончковский. Он сказал: «Все-таки от своей концепции А. Б. Закс не отказалась, не разоблачила своих ошибок. Очень жаль». Легкое «ох» пронеслось по аудитории, потом наступило молчание. Зайончковский попрощался с директором музея А. С. Карповой и ушел. Все молча разошлись. Кто-то мне шепнул: «Не беспокойтесь. Эта резолюция у него заготовлена зара-

нее, на все случаи жизни». Действительно, никакого хода этому «делу» Зайончковский не дал, и я осталась кандидатом исторических наук. Однако продолжать работу по избранной мною тематике оказалось уже невозможно.

Прошло несколько лет. После XX съезда КПСС ситуация на историческом фронте изменилась. Ликвидировались последствия культа личности. Восстанавливались в правах изгнанные со своей земли народы Северо-Восточного Кавказа. В 1956 г. состоялись большие открытые дискуссии о борьбе горцев под руководством Шамиля (в октябре — в Махачкале, в ноябре в Москве). Багировские измышления были разоблачены. Акад. А. М. Панкратова, являвшаяся тогда редактором журнала «Вопросы истории», предложила мне поместить статью по теме диссертации, но с более широким освещением всего хода Кавказской войны, что я и сделала. Статья прошла все стадии подготовки, и я подписала ее верстку. Но времена опять менялись. Начавшаяся после XX съезда КПСС «оттепель» отступала; платформа журнала «Вопросы истории», пытавшегося с позиций XX съезда партии правдиво освещать ход истории, была подвергнута резкой критике. В редакцию журнала была направлена комиссия ЦК КПСС. Итоги ее работы публиковались в передовой статье мартовского номера журнала за 1957 год. Там редакция журнала и отдельные авторы обвинялись в «буржуазном объективизме», «гнилом либерализме», идеализации мелкобуржуазных партий, отступлении от партийности и классового подхода в оценке исторических событий. Важнейшей же ошибкой редакции, как говорилось в передовой статье, является искажение роли И. В. Сталина, который был «выдающимся марксистом-ленинцем», несмотря на отдельные свои ошибки.

Редколлегия журнала была распущена. Панкратова — член ЦК КПСС — осталась на своем месте, но направление журналу давала теперь новая редколлегия, взгляды которой не совпадали со взглядами главного редактора. Судьба Панкратовой оказалась трагической. В феврале 1957 г. торжественно был отпразднован ее 60-летний юбилей, а в мае, несмотря на ее болезнь, ее вызвали из санатория в ЦК КПСС, очень резко с ней разговаривали, инкриминируя даже отход от партийной точки зрения. Анна Михайловна почувствовала себя плохо, а через несколько дней скончалась.

Вскоре мне позвонили из журнала «Вопросы истории» и сказали, что подготовленный ранее номер рассыпан, и моя статья изъята, поскольку ее «концепция теперь нас не устраивает», а вместо моей работы пойдет статья Бушуева. Так окончилась для меня очередная попытка публикации на тему моей диссертации. В 1964 г. по предложению Н. М. Дружинина я вновь подготовила на эту тему статью, теперь уже для журнала «История СССР». Получила вежливый отказ: «Ваша статья касается вопроса в принципе разрешенного советской историографией последних лет». Нако-

нец, уже в 70-е годы из Чечено-Ингушского филиала АН СССР и республиканского краеведческого музея я получила предложение прислать статью на тему моей диссертации. И эта статья прошла все стадии обсуждения, получив хорошие отзывы, но на последнем этапе была изъята из сборника, равно как и статья литературоведа А. М. Пикмана об отношении русских писателей к Кавказской войне, к освободительной борьбе горцев.

Добавлю, что ценные фонды ГИМ, в том числе его Отдела письменных источников, касающиеся этой тематики, все еще лежат без движения¹.

А. Б. ЗАКС, кандидат исторических наук, консультант Государственного Исторического музея.

ТАШЕВ-ХАДЖИ — СПОДВИЖНИК ШАМИЛЯ

Советская историография в принципе разрешила вопрос о характере борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа под руководством Шамиля. Однако, конкретная история этого движения требует дальнейших исследований. В частности, почти не тронуты вниманием исследователей биографии и деятельность отдельных сподвижников Шамиля. Как известно, классики марксизма придавали большое значение личности в закономерном ходе исторического процесса. В. И. Ленин указывал, что «...идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей...»¹.

История жизни и деятельности сподвижника Шамиля — Ташева-Хаджи даст материал для понимания особенностей Чечни в борьбе за независимость — проблемы весьма существенной при изучении имамата Шамиля, а также способствует раскрытию роли религиозной (мюридистской) оболочки движения. Именем Ташева-Хаджи пестрели донесения Кавказского командования с левого фланга Кавказской линии 1830-х годов. Личные его качества по разному оценивались современниками — историками войны. «Он не одарен такими способностями... он даже далеко менее храбр, чем Шамиль», — писал штабс-капитан Прушановский, собиравший данные разведок и другие материалы о действиях и настроениях горцев. «Ташев-Хаджи превосходит Шамиля в предприимчивости и твердости характера», — указывал однако И. Гржегоржевский, имевший доступ к материалам начальника левого фланга Кавказской линии Ф. К. Клюгенау². Но даже сам факт сравнения признанным вождем горцев — Шамилем подтверждает значимость Ташева-Хаджи в истории Кавказской войны. Между

¹ Закс А. Б. // Вопросы истории. 1989, № 6.

тем, не только не раскрыты существо его деятельности, его взаимоотношения с Шамилем, но нет и сколько-нибудь последовательного изложения его биографии.

Сын Мухаммеда Тахир аль-Карахи — сподвижника Шамиля и автора интереснейшей «хроники», редактируя работу отца, к строкам, посвященным приходу Ташева-Хаджи к Шамилю, дает примечание: «Будет сказано в главе о начале сбора войск Шамилем, что Хаджи Ташев родом из Индири (Эндери, Андреево. — А. З.) Смотри внимательно»³. Впрочем в литературе имеются указания и на чеченское происхождение Ташева-Хаджи. Тем более, что в Эндирее имелись чеченские кварталы. Но не будем вдаваться в эти споры. Для биографии Ташева имеет значение тот бесспорный факт, что свою деятельность он начал именно в селении Эндери, — крупном торговом центре не только кумыкской земли, но и всего Северо-Восточного Кавказа. В 1831 г. он был Эндриевским муллой, очевидно, уже совершившим паломничество в Мекку, поскольку к его имени имелась приставка «хаджи». Торговое селение Эндери было связано и с Кавказской линией, и со многими районами Северного Кавказа. Поэтому контингент лиц, обслуживаемых муллой, выходил за рамки кумыкской земли: «Многие из них (горцев — А. З.) приходили в Андреевское селение — колыбель кумыкского народа, с просьбой разобрать дело или разъяснить возникшее недоразумение»⁴. Особенно тесными были связи Эндриева с горными чеченцами, пасшими в зимнее время свои стада на «пло-скости». Возможно, что именно здесь было положено начало связей Ташева с Чечней.

Жизнь в Эндиреево в 20—30-е годы XIX в. была беспокойной. Развитие феодальных отношений обостряло социальную борьбу. Эндиреевцы многократно выступали против местных феодалов и поддерживавшей их царской администрацией. Распространявшиеся в Дагестане идеи мюридизма с его требованиями борьбы за повсеместное введение шариа — мусульманского права, основным источником которого является Коран, явились религиозной оболочкой социального и освободительного движения.

Известно, что шарият феодалы использовали в своих интересах. Поддерживая борьбу с неверными, они надеялись сохранить полноту своей власти. Однако народные массы толковали лозунги мюридизма по-своему. В бытность Ташева-Хаджи в Эндери, на собрании, созванном местным приставом Мусой Хасаевым, «большинство заявило свои требования, чтобы пристав, если следует шариа, не освобождает от повинностей людей богатых, а если по шариа этих повинностей отбывать не следует, то избавил бы от них всех остальных». В те же годы, чеченцы на собрании в Майр-тупе, «толкую о шариа, говорили «о беспрепятственном пользовании выгодами земли»⁵. Призыв к газавату — борьбе с «неверными» — понимался как призыв к освободительной борьбе и при-

обрел социальное значение, как только в понятие «неверные» была включена и феодальная верхушка, как идущая против «требований Аллаха». Лозунги воинствующего мюридизма в подобной трактовке могли привлечь к себе народные массы и на начальном этапе движения помочь объединению разрозненных горских племен.

Под этими лозунгами выступил первый имам Гази Мухаммед. Летом 1830 г. после неудачной осады крепости Внезапной, приведшей к уходу имама из Кумыкской земли, жители Эндери бежали к нему в горы⁶.

Примерно в это время Ташев-Хаджи оказался в рядах воинов Гази Мухаммеда. Как и многие другие беженцы из Эндери, он поселился в Салатавии, в селе Алмак, рядом с чеченской Ауховской землей. О его деятельности в Алмаке мы имеем лишь косвенные сведения. Гази Мухаммед за невыполнение своих требований «грозил салатавцам полным истреблением и не гневался на одну только деревню Алмак, в которой проживал Эндреевский беглец Тома-Важи (искаженное Ташев-Хаджи — А. З.)»⁷. 17 октября 1832 г. в Гимрах от рук царских карателей погиб Гази Мухаммед. Ташев-Хаджи, считавший себя его мюридом, назвался продолжателем дела Гази Мухаммеда. Он сохранил даже знамя имама и имел его при себе в дальнейших походах.

Второй имам Дагестана, Гамзат-бек, был не сразу принят народом. Мы не знаем отношения Ташева-Хаджи к новому главе горцев в начале его деятельности, но в середине 1834 г. Ташев-Хаджи «явно перешел на сторону Гамзат-бека». В это время он уже действовал в Чечне и, по сведениям Кавказского командования, «приглашал чеченцев к общему против нас восстанию»⁸. Смерть Гамзат-бека в одной из мечетей Хунзаха открыла перед Ташевым-Хаджи большие перспективы. Ташев-Хаджи не без основания мог считать себя претендентом на звание имама. Эти надежды отразились в его воззвании (обнаружено экспедицией Государственного исторического музея в 1937 г.)⁹. Документ не датирован, однако, имеющийся в нем призыв «совершить молитву над могилой Хамазта», позволяет отнести его к концу 1834 г. В этом воззвании намечена первоначальная программа действий Ташева.

Он обращался ко всем мусульманам: «Поручите все без исключения ваши дела шарнату Мухаммеда, даже иски за убийства и ранения и все правовые вопросы. Остерегайтесь мерзостных языческих обычаев...». Таким образом, острейшей проповедью он направлял против местных обычаев, особенно прочных в чеченских тайпах, способствовавших их обособленности, усложнявших объединение.

Вместе с тем он привлекал сторонников, рассказывая о своих успехах в сражениях с «неверными»: «Мы разбили их войска, пленили их людей, забрали их одежды и ружья..., взяли их добычу, их

имущество и были довольны Аллахом за его помощь нам против наших врагов».

Наконец, он угрожал нарушителям шариата: «И мы прибудем... с войсками... вооруженными... против которых нет сил устоять. Без промедления». Заканчивая воззвание, он указывал, что «сейчас наступило время возвратиться нам во владения имама Хамзата».

Если вспомнить, что это воззвание было написано после смерти Гамзат-бека, то есть в дни выборов нового имама, можно предположить, что оно являлось своеобразной формой предвыборной агитации. Действительно, Прушановский сообщал: «Многие желали места имама, но выше всех были два соперника: Шамиль и Ташев-Хаджи. Вначале перевес был на стороне последнего»¹⁰. О Ташеве-Хаджи, как серьезном сопернике Шамиля говорят и другие современники¹¹. Не будем останавливаться на сложных перепетиях предвыборной борьбы. Имамом был признан представитель дагестанских узденей — Шамиль. Чечня в то время Шамиля еще не знала, и в этой стране фактически в роли имама остался Ташев-Хаджи.

С начала 1835 г. Ташев-Хаджи начал сбор войска в Чечне и объединение чеченских обществ для борьбы за независимость. Эта борьба характеризует его как незаурядного руководителя народной войны.

Постоянно отвлекая внимание командования набегами на Кавказскую линию, он энергично действовал против отряда царских войск. Его военная система основывалась на специфике партизанской войны в лесистых горах. Он исходил из привычной для чеченцев тактики быстрого передвижения мелкими группами. Избегая прямого столкновения с врагами, он нападал на арьергард, использовал природные особенности Чечни.

В стихийные действия локальных чеченских отрядов Ташев-Хаджи пытался внести элементы системы и организованности. Он начал упорядочение сбора войск: каждый дом должен был дать по одному человеку в ополчение. В каждом из присоединенных районов создавался укрепленный пункт, одновременно служивший центром сбора местного ополчения. Таким был на Мичике район Казбек-Юрта, в Большой Чечне — районы Майртупа и Устар-Гордоя (у впадения Аргуна в Сунжу). Эти укрепленные пункты отнюдь не были крепостями, а лишь заслонами, цель которых заключалась в том, чтобы задержать неприятеля, дать возможность населению скрыться в леса. Как правило, подобные укрепления места устраивались не в аулах, а близ них.

Для упорядочения управления Ташев-Хаджи во главе каждого из присоединенных районов поставил руководителя. Оставаясь в Мичике, он направил в Ичкерия Саида Игалийского, а Уди муллу — в Большую Чечню. Так были созданы прообразы будущих наместников. Однако, эта мера не была подкреплена определенной

административной системой, как это сделал в дальнейшем Шамиль, и поэтому не могла преодолеть «центробежных» сил в чеченских обществах и в должной мере способствовать объединению Чечни в борьбе за независимость¹².

Одновременно с военной подготовкой Ташев-Хаджи вел энергичную агитацию: летом 1835 г. он выступал с призывными речами на массовых собраниях чеченцев, обращался к отдельным аулам и обществам с воззваниями, тон которых менялся в зависимости от адресата. В воззвании на имя кумыкского пристава Мусы Хасаева говорится о необходимости выполнения религиозных и бытовых правил шариа, ограждающих от чужеземных влияний. Хорошо зная верхушку кумыкского общества, он не хотел запугать ее решительными мерами и обещал действовать «исподволь, в течение 10—15 лет». Он обещал искоренить знакомые ему раздоры между кумыкскими князьями и остальными группами в сложной социальной лестнице кумыков и поставить их на такую ступень, что они не будут покорны неверным». В то же время Ташев по-иному разговаривал с жителями Ауха. Не добившись согласия на пропуск войск через их владения, он обрушился на них со всей силой своего красноречия: «Получив бумагу вашу, я не без удивления смотрел на изложенные в ней глупые детские ваши роптания... отговорки ваши, что Вы потворствуете им (христианам — А. З.) по воле покойного Казн муллы (Гази Мухаммеда — А. З.), несправедливы, ибо мне известно, что ни он, ни же я, наместник его, иметь к ним приязни вам позволения никогда не давали... Прошу от вас единого кроткого святого шариа... Я осведомлен, что вы собрались с намерением изгнать меня с его места и потому с охотой приглашаю вас прийти до меня для получения за незаконную дерзость вашу должного возмездия. Примите без неуместных возражений шариа и оставьте следование за неверными... Сие мое последнее воззвание да послужит вам наставлением на путь благочестия»¹³. В этих воззваниях не было призыва к активному участию в борьбе, имелось лишь требование не оказывать помощи царским войскам и не препятствовать действиям отрядов Ташева. Однако после неудачного сражения под Казбек-Юртом в конце июля 1835 г., когда нужно было собрать новые силы, в выступлениях Ташева зазвучали иные ноты. На массовом собрании чеченцев Ташев заставил их принять присягу в готовности к обороне, подкрепив ее воззванием-клятвой, в которой лозунги воинствующего мюридизма тесно связались с наиболее жестокими чеченскими адатами. Клятва требовала: 1) убивать всех, кто предаст русскому правительству; 2) нападать на т. н. мирные селения (для расширения территории восстания). Подобные воззвания имели целью, возбуждая религиозный фанатизм, пресечь остоиственно складывавшиеся экономические и культурные связи с Россией.

С нетерпением ожидая активных действий Шамиля, в начале 1836 г., Ташев обратился к жителям Дагестана. В этом воззвании на первый план выдвигалось требование немедленного начала священной войны. — «По получении сего письма не промедлите ни часу», это требование было подкреплено угрозой: «Если вы не ополчитесь, первое стремление наше будет на вас». И наконец, «Клянусь богом, что вы не являетесь последователями нашего пророка, и если бы он находился между вами, верно бежал бы от вас, как бежит олень от охотника... мы готовы с бесконечным числом войск идти на вас. Мы удерживаемся только потому, что Шамиль сему препятствует, ибо он не желал и не желает привести в действие право первенства, богом ему определенное... Вас настигнет удар от меча, ибо мы положили себе истребить вас или умереть после зимы». Воззвание заканчивается обращением к Шамилю — «Совершите скорее волю пророка. Если замедлите в этом, то получите от бога наказание... и навлечете злобу нашу»¹⁴. Отметим, что признавая формально Шамиля как имама, Ташев-Хаджи продолжал тем не менее считать именно себя верным исполнителем «воли Аллаха».

Несмотря на разные методы привлечения сторонников, все воззвания имели общую черту: в них отсутствовала социальная направленность. Не случайно Мухаммед Тахир к имени Ташева-Хаджи всегда присоединяет эпитет — «прямоидущий». Для Ташева-Хаджи, «уповающего на Аллаха всевышнего и покинувшего красу сего мира, свою семью и близких ради Аллаха»¹⁵, освободительная борьба смыкалась с борьбой за выполнение религиозных требований.

Воззвания его открывали возможность включения в движение и феодализирующей верхушки, и мюридов, и рядовых жителей аулов, стремившихся избавиться от царских властей. Способствуя временному объединению различных социальных групп и отдельным успехам в борьбе с российской экспансией, подобная политика не обеспечивала устойчивости и прочности движения. Ташеву-Хаджи необходима была помощь. Поселившись в феврале 1836 г. в центре только что присоединенного Ауха сел. Зандак, окружив себя сотней верных мюридов, он вступил в непосредственные переговоры с имамом. В селении Чиркат, центре Гумбета, произошла его встреча с Шамилем. Мухаммед Тахир очевидно считал эту встречу особенно важной, так как в связи с ней он впервые упомянул имя Ташева-Хаджи — «От чеченцев пришел Хаджи Ташев, примерно с сорока товарищами»¹⁶. Результатом этого совещания было первое совместное выступление вождей освободительного движения, проложившего путь к включению в имамат обществ центрального Дагестана.

В социально-экономическом отношении Дагестан несколько отличался от Чечни. Здесь наличествовали более развитые фео-

дальние отношения и шла постоянная борьба между (употребим терминологию Мухаммеда Тахира) «народом» и «преступной знатью», «мюридами» и «отступниками». Энергично выступая против феодальной верхушки, не останавливаясь перед кровавыми расправами (примером может служить уничтожение всех членов дома феодала Бек-Чанка в Тифлисе)¹⁷, Шамиль, что характерно для начального периода истории имама, опирался прежде всего на узденей — крестьян и ремесленников, на массу закрепощенного крестьянства. Ясно выраженная антифеодальная направленность движения создавала прочную базу для освободительной борьбы. Следует все же иметь в виду, что и указанные группы далеко не сразу готовы были пойти за Шамилем. Прекращение мирных сношений с Россией наносило ущерб в первую очередь населению наиболее развитых центров Дагестана, получавшему через Кавказскую линию разнообразные товары, сбывавшему туда свои изделия, оценившему положительно экономические и культурные связи с русским народом.

В антиколониальной борьбе трудно было достичь успехов, изолируясь от соседней Чечни, экономически тесно связанной с дагестанскими вольными обществами. Кроме того, во время войны Чечня могла стать житницей Дагестана, а чеченцы с их прославленными наездниками и стрелками — значительно усилили бы военную силу имама.

Объединение Дагестана и Чечни в освободительной войне было важнейшей предпосылкой для разработки широких военно-стратегических планов и для организации имамата. Именно поэтому шаги по объединению двух братских стран, предпринимаемые Шамилем и Ташевым-Хаджи, особенно беспокоили Кавказское командование¹⁸.

Однако и после совещания в Чиркате Ташев, участвуя со своим отрядом в походах Шамиля, рассматривал себя лишь как союзника и пытался действовать в Чечне самостоятельно.

Лишь после неудачных попыток опереться на помощь бывшего Герменчукского муллы, хаджи Мухаммеда-эфенди, приехавшего из Турции после того как верхушка ауховцев, изменив Ташеву, помогла отряду Пулло разгромить укрепленный центр мюридов — аул Зандак, с конца 1836 г. Ташев-Хаджи начал действовать не только в контакте с Шамилем, но и под его руководством. Агитируя среди чеченцев, он обещает, что весной 1837 г. к ним явится Шамиль и использует это имя, как залог успеха¹⁹.

С точки зрения общих интересов имамата наиболее важным делом было овладение центром горного Дагестана — Аварским ханством, крепостью — Хунзах, оплотом феодалов и Кавказского командования.

Попытки, сделанные Шамилем в 1835 и 1836 годах, не удались. В 1837 г., укрепив подходы к Хунзаху — селения Ашилту и

Тилитль, Шамиль вновь попытался овладеть Хунзахом и вновь неудачно. Прочно осев в Хунзахе, разгромив Ашильту, войска ген. Фезе двинулись в Тилитль, где в укрепленных башнях, за рвами и завалами, находились Шамиль и Ташев со своими мюридами. Впервые Ташеву-Хаджи пришлось вести бой в таких условиях. Тактика Шамиля, основанная на особенностях природы горного Дагестана, резко отличалась от тактики Ташева. Шамиль стремился во что бы то ни стало ударажить за собой укрепленный пункт. Непреступные скалы, на которых он располагался, надолго сковывали силы врага. Безводные, выжженные солнцем, пространства затрудняли длительную осаду. Но уйти из укрепленного пункта было не так просто, как в лесистой Чечне: на открытых утесах трудно было укрыться от меткого огня русских егерей. Предполагалось, что силы врага ослабнут в процессе осады, а тем временем вокруг осажденных начнет стягиваться ополчение.

Проведя в жизнь этот план, Шамиль не учел преимуществ русской военной техники. Артиллерия значительно снизила непреступность горной крепости и поколебала стойкость мюридов. Мухаммед Тахир образно описывает положение осажденных: «Затем русские напали на них и разрушили из пушек все укрепления и возвышающиеся постройки. Тогда склонились рога и подступили к горлу сердца, и если бы не призыв Шамиля к терпению..., то они не устояли бы там против русских». Ташеву-Хаджи было невыносимым тилитльское «сидение». Переговоры его с Шамилем подробно описывает Мухаммед Тахир: «Хаджи Ташев аль-Индири прислал к Шамилю Газнева аль-Анди сказать: «Давай выйдем отсюда, а женщин и детей этого Тиликского селения будем держать посредине до тех пор, пока все мы не выйдем из осады врагов и не уйдем от их вреда. Или же разреши мне выйти, иначе я выйду, сломав палку повиновения». Шамиль на это сказал: «Клянись Аллахом, я не выйду отсюда, если даже останусь один, и не разрешу ему выйти. А если же он выйдет без моего разрешения, то обязательно пушу пулю в середину его спины...». Хаджи-Ташеву было сказано: «Терпи и полагайся на Аллаха всевышнего!». Он ответил: «Я полагаюсь, но упование мое есть вынужденное»²⁰. Осада длилась более 40 дней. Стойкость Шамиля была не просто упрямством фанатика. Шамиль учитывал, что положение Фезе было немногим лучше положения горцев. Убыль в его отряде была громадная, артиллерия наполовину погибла, не хватало продовольствия, одежда изнашивалась. Нередко солдаты обменивали у чеченцев же сапоги, пуговицы и даже патроны на чурки, и невозможно было это им запретить. Осаждавший Тилитль ген. Фезе, в соответствии с планом Шамиля, был фактически блокирован наседавшими со всех сторон горцами. Поэтому он согласился на перемирие, и горцы оставили Тилитль без ущерба для чести²¹.

1838—1839 гг. были временем накопления сил для нового

ОТДЕЛ ОБСЛУЖИВАНИЯ
2 Заказ № 3160
ЦГБ г. ГРОЗНОГО
364051 г. Грозный, пр. Победы 22

364051 ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ГРОЗНИЙ пр. ПОБЕДЫ 22
ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

подъема войны. Шамиль и Ташев разработали план совместных действий, который опирался на недавний опыт борьбы за Тилитль. Он состоял из трех этапов: 1) завлечь войска противника в горы к неприступной крепости, ослабить их упорной борьбой за каждую пядь земли; 2) ударить во фланг Кавказской армии, отрезать ее от возможности получить подкрепление; 3) собрать ополчение и разбить противника, окруженного и прижатого к неприступной крепости.

Выполнение первой части плана Шамиль взял на себя, вторую поручил Ташеву. Готовясь к выступлению, Ташев-Хаджи построил два укрепления: одно в урочище Ахмет-тала, другое близ него, к югу от села Саясан. Это были пункты, откуда можно было бросить силы на любую точку Сунженской линии и кумыкской земли. Кроме того, отсюда легко было установить связи с горной Чечней — Ичкерией и Аргунским ущельем. Отсюда Ташев-Хаджи руководил движением, посылал свои распоряжения: «Я прибыл к вашей близости и остановился вблизи вас с маленьким отрядом и не сожалею о нашей малочисленности, потому что сколько раз маленькая партия побеждала большую с соизволения Аллаха... и не торопилась как торопилась сегодня»²². Здесь подчеркнута специфика военной тактики чеченцев — действий малыми отрядами, выжидания удачного момента для нападения на врага.

К укреплению Ахмет-Тала вела укрытая густым лесом тропа. Без знания местности найти ее было почти невозможно. Вокруг укрепления лес был вырублен на расстоянии ружейного выстрела для лучшего наблюдения, а по краю леса шли завалы из огромных деревьев. Оба укрепления стояли на невысоких холмах и были опоясаны рвами. Двойная ограда с насыпанной между рядами бревен землей была усилена невысокими башнями с бойницами. Центральная башня служила одновременно редутom и жильем²³. Такого типа укрепления не были рассчитаны на осаду и штурм, а являлись опорными и сборными пунктами. Поэтому в них не было постоянного гарнизона войск. В Ахмет-талинском укреплении находился Ташев с несколькими десятками мюридов. По первому сигналу к нему должны были сойтись вооруженные чеченские отряды. Казалось, все было предусмотрено в этом лесном укреплении. Но путь передовому летучему отряду ген. Граббе указали чеченцы же, нанявшиеся в проводники. В ночь на 10 мая 1839 г. лагерь спал глубоким сном, тропинка, ведущая к нему, не охранялась. Скрытно подошедший отряд застал всех врасплох. Мюриды не могли и думать о защите, они спасались бегством, перелезая через невысокие стены укрепления. Солдаты нашли в помещении брошенные одежду и оружие мюридов, а также знамя Гази Мухаммеда, хранившееся Ташевым.

Однако на первые выстрелы начали сбегаться окрестные жители. Столб дыма от подожженного укрепления стал сигналом для

сбора ополчения. Солдаты полковника Лабинцева находились теперь на открытой поляне, а горцы собрались в лесу, «пели песни из Корана, выбегали с шашками и бросались стремительно на русских стрелков». Но русские отряды продолжали продвигаться и та же судьба постигла укрепление Ташева близ Саясана. После ожесточенных схваток в его стенах Ташев-Хаджи, державшийся дольше всех в центральной башне укрепления, бежал с небольшой группой мюридов. Укрепление было сожжено, и отряд Лабинцева под обстрелом горцев начал отступление. Обратный путь его отряда через Ичкерия оказался очень трудным. Началась «малая война», и «разбитый» Ташев-Хаджи нанес большие потери «победившему» Лабинцеву.

Однако, указанный выше план Шамиля был сорван. Распустив остаток войск, Ташев не только не пошел на помощь к Шамилю в Ахульго, а отправился в Ичкерия, в аул Беной (Байн), где и поселился с семьей. Желая полностью подорвать поколебавшийся авторитет Ташева-Хаджи, ген. Граббе обратился к ичкеринцам с воззванием: «Негодный адреевский мулла, изменник Ташев-Хаджи обманывает вас, старается вас возмутить против русского правительства и успел набрать между вами партию, которая не хочет повиноваться русскому государю, и вместе с Шамилем убеждает всех жителей принять его шариат. Поэтому я прибыл сам в Чечню с отрядом, с тем, чтобы восстановить там спокойствие и законный порядок, уничтожить козни Ташева-Хаджи... Я объявляю прощение всем аулам, которые изгонят Ташева-Хаджи и всех мюридов и абреков... Те же аулы, которые дадут убежище Ташеву-Хаджи, будут истреблены все до основания»²⁴.

В августе 1839 г. после двух с половиной месяцев осады и трех кровопролитных штурмов крепость Ахульго была взята. План Шамиля, частично сорванный поражением Ташева, оказался неудачным в основной своей части. Непроступность Ахульго заставила ген. Граббе стянуть к ней настолько много сил и артиллерию, с которыми не могли справиться ни нестройные отряды ополчения, ни героически дравшаяся кучка мюридов.

События 1839 г. отразились на развитии освободительного движения на всем Северо-Восточном Кавказе. На глазах всех жителей центрального Дагестана было продемонстрировано торжество русской военной силы и техники. Горные общества Дагестана отказались идти за Шамилем и отказали ему в доверии.

Грозный имам, захватив семью тайно, почти инкогнито пробрался в Чечню. В Беное «Шамиль был ласково принят Ташевым-Хаджи», — сообщает один из источников²⁵. Ташев препроводил имама в один из самых глухих районов Чечни — Шубут (сел. Уруш-Керт, «Гарашкити»).

Интереснейшему периоду деятельности Шамиля в Шубуте и началу нового подъема движения может быть посвящена специ-

альная статья. Мы же остановимся на непосредственном поводе к массовому восстанию чеченцев и на роли Ташева-Хаджи в нем. В то время как Шамиль был в Шубуте, Ташев со своими товарищами оставался в Ичкерии и действовал там самостоятельно. По сообщению ген. Граббе (конец 1839 г.) «в ичкеринском обществе Ташев-аджи, Шуаиб-мулла и Джавад-хан начали усиливать свои партии... входить в сношения с жителями равнины»²⁶.

Подъем движения в Чечне был в значительной мере обусловлен как появлением Шамиля, так и жестокими действиями Кавказского командования. Направив в Чечню полковника, а затем генерала Пулло, оно дало фактически неограниченные полномочия этому бездарному командиру. Методы, характерные для николаевской монархии, применялись им с особой жестокостью. Бесконечные карательные экспедиции не только против «непокорных», но и против «мирных» селений, безудержные поборы (скот, оружие, домашняя посуда и даже платья женщин — все отбиралось для удовлетворения ненасытного начальника)²⁷, все это вызывало возмущение и стимулировало подъем освободительной войны.

На политику Пулло как на важнейший повод к массовому чеченскому восстанию 1840 г. указывают самые разнообразные источники. Об этом рапортовал ген. Граббе военному министру Чернышеву, о ней писал в одном из своих писем современник, имевший возможность следить за ходом Кавказской войны, виконт де-Кастильон. Особенно убедительно мнение Мухаммеда Тахира, который, казалось, должен был подчеркнуть идеологическую сторону восстания — борьбу за шарият и т. п. Но он также указывал, что удар по материальному благосостоянию чеченцев и нарушение народных обычаев послужило поводом к всеобщему восстанию чеченцев.

«Прямоидущему» Ташеву-Хаджи все же не удалось распространить свое влияние за пределы Ичкерии, где была его резиденция, тогда как Шамиль, выступая против эксплуататорской верхушки, сформировавшейся уже в чеченских обществах, против работорговцев, повел за собой большую часть Чечни, включая ее равнинную часть. Интересно отметить, что для привлечения на свою сторону жителей некоторых горных районов Чечни, особенно приверженных своим адатам, он исключал из своих призывов требования шарията²⁸.

Ташев окончательно оставил попытки самостоятельных действий и по поручению Шамиля возглавил его правый фланг (от большой Чечни до Западного Дагестана). Великолепно владеющий тактикой партизанской войны, Ташев-Хаджи казался кавказскому командованию вездесущим и неуловимым. То его конница появлялась в пяти верстах от крепости Грозной, то он налетал на крепость Внезапную. В то время царские войска ждали его в Герзель-ауле, он поднимал ауховцев, а когда генерал Галафеев направил

карательную экспедицию в Аух, смелым рейдом он отбил в Герзель-ауле 28 артиллерийских орудий. На удачные действия ген. Фрейтага в Назрани Ташев ответил на другом конце левого фланга Кавказской линии, где, обосновавшись в с. Миатлы, направил отряды на Кумыкскую плоскость и в Салатавию. Как только ген. Галафеев двинулся за ним, он увел свою конницу через Аух в Ичкерия и свел к нулю значение всей дорогостоящей карательной экспедиции²⁹.

Когда вся Чечня признала Шамиля (июль 1840 г.), имам закрепил свою победу разделением ее на наибства; Ташев получил в управление горные районы, Аух и Ичкерия.

Опираясь на Чечню, Шамиль вновь приступил к овладению Дагестаном. Действия его в середине июля были особенно удачными. Он собрал большое ополчение, значительную часть которого составляли отряды Ташева-аджи — ичкеринцы и андийцы. После боя у сел. Ишкарты (10 июля 1840 г.) Шамиль овладел подвластными крупнейшему дагестанскому феодалу шамхалу Тарковскому селениями Эрпели и Карани и поставил под угрозу все шамхальство Тарковское, чем вызвал большое беспокойство царских властей.

В разгар своих успехов Шамиль вдруг прервал военные действия, распустил войско и вернулся в Чечню, приведя в полное недоумение Кавказское командование, усмотревшее в этом неожиданном уходе «особенный дар Провидения»³⁰. В чем же были причины внезапного прекращения военных действий? Посланные командованием лазутчики добыли весьма неясные сведения. «Подлинная причина этого еще не объяснялась — писал ген. Головин ген. Чернышеву 6 августа 1840 г. Ген. Фезе приписывает это ссоре Шамиля с одним из ближайших помощников его — Ташевым-Хаджи»³¹.

Намек на эту причину автор хроники военных действий на Кавказе в 1840—1842 гг. А. Юров в одном из примечаний к изложению хода военных действий отметил: «6 июля (1840 г. — А. З.) Шамиль распустил войско. Отчасти, этому способствовало то обстоятельство, что Ташев-Хаджи с партиями чеченцев и андийцев оставил Шамиля, поссорившись с ним из-за дележа добычи при разграблении нескольких селений, не захотевших бросить полевых работ и присоединиться к скопищу имама»³².

Андийцы не просто разбежались, а, по свидетельству Тахира, потребовали от Шамиля ухода из Дагестана³³. Ташев-Хаджи вместо того, чтобы удараить войско, увел его обратно и распустил по домам. Мы не имеем основания считать этот факт изменой газавату или неумением противостоять антишамилевской группе андийцев. Можно предположить, что причиной ухода Ташева были принципиальные расхождения с Шамилем. Выше мы указывали на несогласие Ташева с военной тактикой Шамиля. Систематическое и сплошное овладение территорией и ее закрепление за собой

выходило за пределы его военного искусства. Он был мастером лихих набегов и партизанской войны. Его разноязычное войско было временным объединением для борьбы с общим врагом. Ташев боролся против «мерзостных обычаев», но лишение воинов возможности вести свое хозяйство не вытекало из догм шариата. Второе разногласие заключалось в решении вопроса о дележе добычи, которую давал удачный поход. Как известно, и походы пророка Мухаммеда обогащали участников его. Мы видели, что уже в первом воззвании Ташев говорил о военной добыче, как о милости Аллаха. По шариату право собственности на добычу принадлежало имаму, без разрешения которого дележ ее считался равным воровству. С начала 1840-х годов, одновременно с организацией наместничества и укреплением армии, Шамиль создавал общественную казну, «байт аль мал», в которой военная добыча была немаловажным слагаемым. «Хумс» — выделение 1/5 добычи в распоряжение имама — был узаконен шариатом. Но перед выделением его имам мог взять себе любую часть добычи. Таким образом 1/5 добычи оставалась условной величиной. Неслучайно, этот вопрос являлся предметом постоянных споров мусульманских правоведов. Естественно стремление Шамиля, представляющего интересы движения в целом, наибольшую долю добычи передавать в байт аль мал. Понятными также могут быть действия Ташева-Хаджи, руководителя местного народного ополчения, хотевшего достаточно обильно награждать своих воинов, не жертвуя их интересами в пользу общественной казны.

Споры о байт аль мал между Шамилем и его сподвижником велись даже в 1850-х годах, когда поступления в общественную казну приобрели постоянный и организованный характер. Мухамеду Тахиру не раз приходилось разъяснять местным властям: «Этот дом — место байт аль мала. И не смешивай его с тем, что в доме твоём». И далее: «И собрались, и решили, что наибы переходят границы в байт аль мале и приобретают его для себя». И сказал: «Этот порок — не исключительная особенность наивов, но мы присоединяем (к нему) кадиев и чтецов»³⁴.

Постоянными были также споры о хумсе. Обычно часть его передавалась в личное распоряжение наивов. Иногда эта передача отменялась, иногда задерживалась³⁵. Если даже в период расцвета имамата были возможны такие споры, то удивительно ли, что в период его становления Ташев-Хаджи протестовал против ограничения его права распределять военную добычу.

О разногласиях между Шамилем и Ташевым говорят многие источники. Как известно, для укрепления власти в Чечне и проведения реформ Шамиль посылал туда «мухаджиров» — своих ставленников из Дагестана, в качестве наивов или рядовых мюридов, рассчитывая на то, что уйдя из родных мест и оторвавшись от своей земли, не имея родственных связей в чеченских тайпах,

они могут быть более стойкими, легко перебрасываться с места на место и «искоренять отступников», которых обычно покрывала родная фамилия. Ташев-Хаджи пытался протестовать против этой меры, подрывавшей основы традиционного образа жизни чеченцев. За это он «был смнен по наговорам мухаджиров»³⁶ и восстановлен в правах наиба только тогда, когда прекратил сопротивляться поселению мюридов-дагестанцев в пределах его наибства. Вопрос о мухаджирах был особенно острым потому, что был связан с аграрной политикой имамата: переселенцам нужна была земля. И в этом вопросе между Шамилем и Ташевым были существенные разногласия. Об аграрной политике Ташева-Хаджи мы косвенно узнаем из судебных дел по земельным спорам.

В одном из таких дел (1867—1869 гг.) мы читаем: «Еще до Шамиля имам Ташев-Хаджи, разрешая возникший между беноевцами спор по поводу желанья некоторых беноевцев разделить урочища между фамилиями, постановил, что урочище Бено-Ведено должно быть в неразделенном пользовании аула на том основании, что расчищенная поляна очищена из под обще-беноевского леса». Таким образом, Ташев-Хаджи отстаивал права аульской (общинной) собственности, не разрешая разделения ее, выступал против раздела общественных земель между индивидуальными собственниками. Этим он привлекал патриархальное чеченское крестьянство, но отворачивал от себя — зажиточный слой населения чеченских общин.

Шамиль тоже не считался с правом «первой заимки» или «очистки» земли от леса, но не стремился сохранить и родовую общинную собственность. Он наделял пужных ему людей землей от родовых и общественных участков, разрешал мухаджирам покупать и арендовать земли, выделял крупные участки в общественную казну. В конце 40-х гг. XIX в. Шамиль выделил известную часть чеченских земель для мухаджиров и нужд армии³⁷. Таким образом, своей земельной политикой он разрушал устаревшее уже понятие о родовой собственности и тем ускорил процесс разложения рода. Ташев-Хаджи в этом вопросе оставался на позициях родовой общины.

Вероятно, эти и подобные разногласия, привели к тому, что Шамиль сместил Ташева-Хаджи с поста наиба и его имя на некоторое время исчезает из донесений Кавказского командования.

Шамиль провел в Чечне кардинальную административную и военную реформу — к концу 1840 г. «все племена между Сунжею и Аварским Койсу (т. е. вся Чечня и почти весь Дагестан — А. З.) признали Шамиля».

Однако управление Чечней давалось не так легко. В конце 1840 г. в Аухе был убит наиб, сменивший Ташева-Хаджи (Булаг-Мирза). Направленный велед за ним один из наиболее известных наивов, Ахверды-Магома, должен был пойти на уступки чеченцам.

Дагестанская дружина при набе была распущена. Несколько раньше, после налета его на Моздок и получения большого выкупа за плененных, ему пришлось согласиться с требованиями чеченского ополчения и разделить все деньги между участниками налета. В другом случае чеченцы отказались от взноса денег на содержание караулов и т. п. Признав Шамиля как освободителя от притеснений царских генералов, горцы не спешили принимать его реформы, хотели сохранить традиционные устои в общественной жизни. Весной 1841 г. повторялись события предыдущего года: в разгар боев за Хубарские высоты (близ Чыркея) руководители Андийского ополчения распустили чеченское войско по домам. Шамиль в отместку сместил наибов, однако его военный план был сорван³⁸.

В этот критический момент Шамиль снова призвал Ташева-Хаджи и назначил его наибом в Большую Чечню вместо Ахверды-Магомы. Сообщение об этом дается в «Обзоре военных происшествий на Кавказской линии...», в донесении о событиях с 25/VII по 16/VIII 1841 г. Однако уже в следующем донесении наибом в Большой Чечне называется уже Шуаиб-мулла³⁹, а имя Ташева исчезает из донесений Кавказского командования. Дальнейшая судьба Ташева-Хаджи не ясна. Имеются сведения, что он умер осенью 1841 г. «своей смертью». Есть предположения, что его смерть связана с событиями 1841 г. в Чеберлое, куда Шамиль не раз посылал преданных ему наибов для «усмирения» и введения шариата. История последних лет жизни Ташева ждет еще своего исследователя. Однако бесспорно, что в лице Ташева-Хаджи Шамиль потерял одного из наиболее значительных сподвижников.

Подведем итоги. Ташев-Хаджи — сподвижник Шамиля по существу руководил всей освободительной борьбой в Чечне с 1832 г. до 1841 г.

1944 год.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 159.
- 2 Путевые записки штабс-капитана генерального штаба Прушановского. Кавказский сборник (далее КС), т. XXII, стр. 38.
- 3 И. Гржегоржевский. Генерал-лейтенант Клюка фон Клюгенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе. Русская старина, 1876 г., т. I, стр. 147.
- 4 Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи. О Дагестанских войнах в период Шамиля, перевод с арабского А. М. Барабанова. М., 1941 г. (далее хроника) стр. 82. Его «Хроника» — единствен. местный источник, не прошедший русской редакции.
- 5 М. Дубровен. История войны и владычества русских на Кавказе; т. I, кн. I, 1871, стр. 634.
- 6 Н. А. Волконский. Война на восточном Кавказе с 1821 по 1834 г. в связи с мюридизмом. Кавказский сб. (далее КС) т. XII, стр. 20, 24.
- 7 Дневник полковника Руновского состоящего приставом при Шамиле во время пребывания его в г. Калуге с 1859 по 1862 гг. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией, том XII, стр. 712, (далее Акты), Волконский, ук. соч. КС; т. XII, стр. 18.
- 8 Волконский. УК., соч. КС, т. XVI, стр. 60—61.
- 9 КС, т. XXXII, стр. 193.
- 10 Отдел письменных источников Гос. истор. музея (далее ОПИ ГИМ). Материалы Северо-Кавказской экспедиции ГИМ № 41, перевод А. М. Барабанова, под редак. акад. И. Ю. Крачковского, А. Б. Закс. Северо-Кавказ. ист. быт. экспедиция Гос. истор. музея. Труды ГИМ, вып. XV. Москва, 1941.
- 11 КС, т. XXIII, стр. 38.
- 12 Князь Орбелиани, находившийся в 1842 г. в плену у Шамиля; И. Гржегоржевский, работавший по материалам Клюгенау.
- 13 КС, т. XXXII, стр. 240—247.
- 14 Там же. Стр. 226.
- 15 ОПИ ГИМ. Материалы Северо-Кавказской экспедиции, № 41.
- 16 КС., т. XXII, стр. 247—249.
- 17 КС., т. XXXII, стр. 241.
- 18 ОПИ ГИМ. Ук. экспедиция, № 41.
- 19 Хроника, стр. 82. Совещание у Шамиля с участием Ташева было и в 1835 г. в сел. Игали. (Ф. Клюгенау, № 83, л. 36).
- 20 Акты, т. VII, стр. 596.
- 21 Акты, т. VIII, стр. 338.
- 22 Центральный военно-исторический архив. Военно-ученый архив (далее ЦВИА ВУА, № 6306, л. 35, 59, 70—75).
- 23 Хроника, стр. 37, 88.
- 24 А. Юров. Три года на Кавказе. КТС, т. VIII, стр. 72.
- 25 А. Б. Закс. Ук. Соч. ОПИ ГИМ. Материалы Сев. Кавк. экспедиции ГИМ № 41.
- 26 ЦВИА ВУА, № 18505.

- 27 Милютин, полк. Описание военных действий 1839 г. в Сев. Дагестане СПб. 1850.
- 28 Акты, т. IX, стр. 422.
- 29 ЦВИА ВУА № 6478, л. 52.
- 30 Акты, т. IX, стр. 424.
- 31 Фонд Ключенау, № 147, л. 403.
- 32 Акты, т. IX, стр. 424, «Историк-марксист», 1936, кн. 5, стр. 115. Юров, УК. сов., КС, т. X, стр. 271—272. Хроника, стр. 123—124, 127.
- 32а Юров, УК, соч. КС, т. , стр. 277—278.
- 33 Северо-Осетин. архив. 1507 (118, донесение от 26.IV—1840).
- 33а Акты, т. IX, стр. 341.
- 34 Там же, стр. 340.
- 35 Юров, УК. Соч. КС, X, стр. 343.
- 36 Хроника, стр. 131.
- 37 Мухаммед Тахир, Автобиограф. л. 2, ОПИ ГИМ. Материалы Сев.-Кав. экспедиции ГИМ, перевод проф. Н. И. Покровского.
- 38 А. Б. Закс, УК. Соч. Приложение 5—6.
- 39 Д. Тарханов. О мухаджирах в Зандаковском наместстве. Терские ведомости, 1868 г., № 15, стр. 59.
- 40 Северо-Осетинский архив (далее СОА) № 201, л. 14, 21.
- 41 СОА, № 201, л. 14, 21. А. Б. Закс, УК. Соч. Прил. № 1. Ф. Ключенау; № 129, л. 16.
- 42 Юров, УК. Соч. КС, т. X, стр. 329.
- 43 Юров, УК. соч. КС, т. XI, стр. 207. Хроника, с. 136. ЦВИА ВУА, № 6430.
- 44 ЦВИА ВУА, № 6407, л. 23, 28, 29.

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо в редакцию журнала «Вопросы истории»	3
Тацев-Хаджи — сподвижник Шамиля	10

Министерство культуры Чеченской Республики
Чеченский Государственный Объединенный музей

ТАШЕВ-ХАДЖИ — СПОДВИЖНИК ШАМИЛЯ

Редактор М. Н. Музаев
Художник С. Юшаев
Технический редактор С. П. Липатова
Корректор М. А. Еськова

ИБ №

Сдано в набор 20.07.92 г. Подписано к печати 23.09.92 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага типографская. Гарнитура школьная. Печать высокая.
Уч.-изд. л. 1,62. Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр.-отт. 2,0. Тираж 5000. Заказ № 3160 .

Издательско-полиграфическое объединение «Книга» Государственного комитета
ЧР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
364907, Грозный, ул. Субботников, 35.